

Кто не знает Льва Дурова? Даже люди, не считающие себя театралом и никогда не бывавшие на Малой Бронной, привыкшие потреблять искусство посредством «голубого экрана», в связи с этим именем вспомнят и «Странные взрослые», и «Семнадцать мгновений весны», и «Успех», и многие, многие другие фильмы. Но даже сыгранные роли в этих трех фильмах позволяют сделать вывод, какой он разный, Лев Дуров, хотя и сразу узнаваемый. Присуждение ему звания народного артиста СССР соответствует его популярности. Более сотни ролей в кино, на телевидении, в родном театре создал мастер сценического искусства. Конечно, среди них есть и «проходные», и значительные.

— Какие же роли позволили в наибольшей степени выразить позицию артиста и гражданина?

С этого вопроса началась беседа нашего корреспондента с Львом Константиновичем ДУРОВЫМ.

Каждый человек и правда. Анна Анна. 1990. - 23 июня

«Как в слове высказать себя?»

— В судьбе артиста многое зависит от случая, потому что не он выбирает, а его. А тем более что у нас, на мой взгляд, при множестве режиссеров единицы таких, кто создавал настоящее кино как вид искусства, как своеобразный художественный образ мышления, а не переносил на экраны спектакли, сопроводив их натуральными съемками. Среди таких немногих режиссеров Эйзенштейн, Тарковский, Герман, Сакуров. Возможность попадания в их кино минимальная. Но мне повезло. Я снялся в одной из главных ролей в фильме Элема Климова «Прощание» по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Такое честное, острое произведение, пропущенное через призму своего видения талантливым режиссером, поднимающее актуальные проблемы, способствует самовыражению артиста, проявлению его гражданских позиций, требует тех качеств, которыми создатели фильма наделяют своего героя.

Павел Пинигин — сын главной героини Дарьи, мой герой, не мечтатель, а честный работник, действующий как бы по инерции. Лишь в экстремальной ситуации он испытывает прозрение и сопротивляется уничтожению неповторимого на земле.

Если говорить о театральных ролях, дающих возможность высказать себя, то это прежде всего штабс-капитан Снегирев в спектакле «Брат Алеша» по роману «Братья Карамазовы». Проникнуть в мир Достоевского — это то, о чем мечтает артист, хотя это требует огромных душевных затрат. Я пытался, осуществляя свой взгляд на эту роль и постановщика спектакля Эфроса, показать не смиренного штабс-капитана Снегирева, а его человеческое достоинство, выразить протест унижению.

Мне повезло, что в своей сценической жизни воплощал

бессмертные образы Мольера, Шекспира, Достоевского, Гоголя, Чехова... Грех жаловаться...

— Критики связывают с вашим именем создание на сцене и экране собирательного образа «маленького человека»...

— А я всеми своими ролями возражаю против этого. Я сформулировал бы свою актерскую и гражданскую позицию как протест маленького человека против понятия «маленький человек». Определение этого образа столь же фальшивым и надуманным, как «коллектив». Кому-то, а вернее власти, было выгодно деление людей на больших и маленьких. И о «маленьких» было принято говорить с умиливательной интонацией. Но человек не может быть маленьким, как нет малого народа. Ставлю своей творческой целью показать причины принижения достоинства человека. Конечно, легче посочувствовать, чем создать условия, при которых каждый человек воспринимается как величайшая ценность. А под окрик «не высовываться!» трудно достичь высокой планки.

Артист не может ждать, когда ему предложат желанную роль. Зачастую берешься за работу мало интересную. Во-первых, потому что боишься «простоя», а нужно быть всегда в форме. Во-вторых, и жить надо, а значит, зарабатывать свой хлеб. Но я никогда не зарабатывал сладкий кусок путем участия в помпезных правительственных концертах, чтения «Малой земли» или «Целины». Это не по мне. Это к вопросу о выражении позиции артиста.

— А что служит для вас отправной точкой в раскрытии образа? Существует постоянная метода или всякий раз по-разному?

— Если роль известная, из классического репертуара, то исходишь из того, что тебе по-человечески в ней близко и чем можно заинтересовать зрителя,

раскрывая ее многомерность. Когда имеешь дело с неизвестным сценарием и роль выпадает не ярко, начинаешь додумывать, используя свой опыт и жизненные наблюдения. Приходится порой даже свои реплики вставлять с согласия режиссера. В каждом характере ищешь драматическое начало, истоки пороков.

— Лев Константинович, согласны ли вы с мнением, что театр переживает спад, и верите ли в новый взлет театра, какой мы наблюдали в 60-х годах, когда сцена, как и литература, была трибуной гласности и предтечей нынешней перестройки?

— Всякое искусство и литература и у нас, и за рубежом испытывают то подъем, то упадок. Сегодня театр не будоражит общественное мнение так, как политик. И я это воспринимаю нормально, как должное. Но верю, что у театра будет опять свой звездный час. Как, устав от периодической литературы, публицистики, человек испытывает желание перечитать Достоевского и Чехова, так, пресытившись массовой культурой, пойдет в театр. Я верю в русскую сценическую школу. Ее престиж высок и за рубежом. Наш театр имел большой успех на Эдинбургском и Хельсинкском фестивалях. В Югославии высокую оценку получили наши спектакли, да и во многих других странах.

— А легче ли стало артисту от создания Союза театральных деятелей, гильдии актеров, в которой вы являетесь членом правления?

— Во всяком случае появилась его социальная защищенность. Но меня поражает зашедшая в людях вера в хорошего руководителя и надежды на быстрые перемены. Разве может наш новый министр за короткое время преодолеть тот развал, в котором находится культура страны, богатой талантами. Но нужно ценить, что

Николай Губенко, талантливый артист и режиссер, взвалил на себя ответственность за разоренные библиотеки и музеи, за бездомные театры. Заслуживает глубокого уважения его отказ от прибавки зарплаты аппарату министерства, и можно представить, какое он испытал давление. Наше самосознание повысилось уже оттого, что возглавил культурное строительство не чиновник, которому лишь бы руководить, а человек, знающий театр изнутри, сам побывавший в шкуре рядового актера, работавший в театре, на который давили сверху.

— Алмаатинцы были рады увидеть вас в спектаклях «Женитьба», «После бенефиса», «Весельчаки». Но они заметили и молодую актрису с вашей фамилией. Как вы относитесь к театральным династиям? Обостренное социальной несправедливостью сознание воспринимает зачастую преемственность как протекционизм.

— В нашем театре работает не только дочь моя Екатерина Дурова, но и моя жена, и зять, правда, под своими фамилиями. Когда ребенок растет в театральной среде, в атмосфере репетиций, разучивания ролей, то следование по стопам родителей естественно. Другое дело, есть ли на то способности.

Дочь моя была самостоятельна в выборе и даже не хотела мне показать, что она приготовила для отборочного тура. Когда она поступала в ГИТИС, я был на гастролях и ни с кем и словом не обмолвился о Кате. В институте ее заметили, а после окончания Юрий Любимов пригласил ее в театр на Таганке. Заслужил добрых слов ее дебют в кинематографе. Она снялась в фильме «Фантазия Фарятева».

Вот ведь как, к сожалению, бывает. То, что при жизни называется негативным словом «семейственность», после смерти — почетным словом «династия».

— Лев Константинович, ощущаете ли вы в себе неостребованный творческий потенциал? Есть ли роли, которые вы не сыграли, но мечтали о них? Скажем, как вашему герою из фильма «Успех» не удалось сыграть Тригорина в «Чайке».

— Я уже говорил, что мне грех жаловаться. Недавно снялся в роли Фомы Опискина в телевизионном фильме «Село Степанчиково» по Достоевскому. А в театре наш главный режиссер Владимир Портнов приступает к постановке шекспировского «Короля Лира», мне доверена главная роль.

Пожалуй, единственная роль, которую я не сыграл и о том жалею, это царь Федор Иоаннович. Этот образ прекрасно воплотили на сцене выдающиеся артисты разных времен — Москвин и Смоктуновский. Я мог бы, думаю, создать своего царя Федора, но... не суждено.

— Согласны ли вы с делением городов на «театральные» и «не театральные»?

— Думаю, что определение не только неточное, но и обидное. Как можно сказать: этот город читающий, а другой не читающий. Точно так же невозможно определить степень пристрастия к театру. Другое дело, что публика бывает на спектаклях различная. А от этого зависит атмосфера в зале.

Хочу сказать, что в Алма-Ате благодарные и внимательные зрители.

Беседу вела
А. МОЛЧАНОВА.

НА СНИМКЕ: Л. ДУРОВ в спектакле «Женитьба».
Фото В. Ваклюкина.